

В ПРЕДДВЕРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Русская литература XIX века знает немного литературных объединений, которые по своей исторической значительности были бы сопоставимы с «Арзамасским обществом безвестных людей», в обиходе обычно — не совсем точно — обозначаемым как «Арзамас» *.

«Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства,— писал Вяземский в поздних воспоминаниях,— и на этом важном наблюдении во многом зиждется современное понимание «Арзамаса». — Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане». Нравственное братство скрепляло «ядро», «сердцевину» общества, того, как любил говорить Жуковский, великого «вместе», которое было пронесено сквозь все превратности исторических и индивидуальных судеб. Общность социальная и литературная (при всех возможных и иногда довольно острых разногласиях), общность, складывавшаяся постепенно, незримо существовала и тогда, когда «братья» были географически удалены друг от друга.

«Мы все разбросаны,— писал Вяземский А. Тургеневу в июле 1826 года,— держимся только одною внутреннею верою, темными преданиями и каким-то чужестранством, чужезычием в толпе, которая нас только что терпит» **. Здесь все сказано и прочувствовано очень точно; если перевести наблюдения Вяземского на язык социальной психологии, окажется, что он говорит о «единстве социального мира» — о «культурной области, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эф-

* Об «Арзамасе» см. основные работы: Т ы н я н о в Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929 (статья «Архаисты и Пушкин»); Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная статья, редакция протоколов и примечания к ним М. С. Боровковой-Майковой, предисловие Д. Благого. Л., 1933; Г и л л е л ь с о н М. И. 1) П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969; 2) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; 3) От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

** Остафьевский архив, т. 3. СПб., 1899, с. 144.

фективных коммуникаций» *. Область этих «эффективных коммуникаций» включала в себя близость общественных, эстетических, литературных ориентаций, принадлежность к единой возрастной и культурной генерации, общих учителей и литературных противников; наконец, дружеские или, точнее, профессионально-дружеские связи. История этой культурной общности, собственно говоря, и есть история «арзамасского братства», включавшего Батюшкова, Жуковского, Вяземского, А. Тургенева, Д. Давыдова, молодого Пушкина.

Общество «Арзамас» было эпизодом этой истории, — но эпизодом примечательным и закономерным, — который имеет свою особую историю — ближнюю и дальнюю.

Истоки «Арзамаса» уходят в последние десятилетия XVIII века, эпоху формирования дружеских литературных кружков и время эстетических размежеваний, дальние отзвуки которых еще слышались в полемических столкновениях 1810-х годов. Когда вернувшийся из европейского путешествия Карамзин начал свою бурную писательскую и журналистскую деятельность, отклики на нее — как положительные, так и отрицательные — были во многом реакцией уже сложившихся кружков. Так, московский кружок Н. П. Николева ответил на выход «Моих безделок» эпиграммой Н. М. Шатрова на «немецкого русака», — и в эпиграммах и сатирах «арзамасцев» мы изредка встречаем имена Шатрова и Николева как символические обозначения «староверов». С 1790-х годов глухую и упорную борьбу против Карамзина вел П. И. Голенищев-Кутузов, будущий враг арзамасцев. Литературная борьба начала приобретать явственный общественный оттенок с выходом «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803) А. С. Шишкова; в это время и начинается группировка литературных сил в двух противостоящих лагерях — Шишкова и Карамзина. Здесь нет возможности и необходимости рассказывать подробно об этом этапе полемики, который еще застало старшее поколение будущих арзамасцев. Шишков обвинял Карамзина и его сторонников в разрыве с национальной языковой и шире — духовной — традицией, в ориентации на Европу, которая рисовалась ему как источник развращающих философских идей и жизненных принципов. Несколько позднее, в пылу спора, он выскажется совершенно определенно: его противники — носители духа революционной Франции: религиозного скептицизма, нравственного релятивизма, просветительского рационализма, угрожающего патриархальным основаниям, на которых зиждется национальная традиция. Именно этот принципиальный антагонизм просматривался за яростными нападениями Шишкова на язык Карамзина и его последователей и за его стремлением доказать тождество русского и церковнославянского языков, которым изменили новоявленные космополиты и «петиметры» в литературе. Но «война

* Ш и б у т а н и Т. Социальная психология. М., 1969, с. 111.

идей» еще не развернулась в эти годы в полной мере и идет подспудно; только П. И. Макаров, представитель старшего поколения «карамзинистов», выступил как серьезный противник Шишкова. Даже появление «Нового Стерна» (1805), где молодой А. А. Шаховской создает не лишнюю остроты карикатуру на «сентиментальных путешественников», не становится сигналом к всеобщей полемике. Сам Карамзин, последовательный сторонник позитивной, «научающей» критики, принципиальный враг полемических столкновений, не отвечает ни на какие нападки.

1800-е годы — время собирания сил, формирования партий, установления и пересмотра литературных репутаций.

Вокруг Карамзина и его «Вестника Европы» собираются молодые литературные силы. В большинстве своем — это выпускники Московского университетского благородного пансиона — А. Ф. Воейков, Александр Тургенев, сын старшего друга и наставника Карамзина И. П. Тургенева, В. А. Жуковский, Д. В. Дашков... Воейков, Жуковский, Тургенев были участниками пансионского Дружеского литературного общества. Естественным учителем становится Карамзин для совсем юного Вяземского, прямого его воспитанника, сводного брата его второй жены; давние — еще с середины 1790-х годов — узы связывают его и с ровесником по годам и учеником по литературе Василием Львовичем Пушкиным.

Идет самоопределение новой общественно-литературной генерации. Она отделяла себя не только от «шишковистов»; ее критицизм распространяется и на старшее поколение сторонников Карамзина, которое она отвергала как адептов ложной чувствительности. Под сатирическое перо Вяземского попадает князь П. И. Шаликов. Предметом иронии младших «арзамасцев» станет и прямой их соратник — В. Л. Пушкин.

При всем безусловном уважении к Карамзину они отказываются быть и его эпигонами и далеко не все приемлют в его позиции и взглядах. Не разделяют они и принцип неучастия в полемиках. В этом отношении они ближе к И. И. Дмитриеву — полемисту, сатирику. Ближайший друг Карамзина, Дмитриев был вовсе не похож на него в своих литературных отношениях. Полемика была его стихией; человек партии, не чуждый интриге, он побуждает молодежь к отпору литературным противникам; он думает о журнале с участием А. Тургенева и Жуковского, а пока что поражает неприятелей язвительной эпиграммой, пародией, тонко завуалированным памфлетом. Из этой сатирической литературы далеко не все попадает в печать; наряду с письменным активизируется устный пласт пародийного и эпиграмматического творчества, достигающий иной раз подлинного мастерства.

Этот этап борьбы «карамзинистов» и «шишковистов» исследован мало, — между тем в нем определились первоначальные контуры поле-

мической позиции будущего «Арзамаса». Дело прежде всего шло о литературных репутациях. Выход в свет итогового собрания «Сочинений и переводов» (1803—1805) И. И. Дмитриева, уже заканчивавшего свой литературный путь, неожиданно вызвал критическое оживление: раздался голоса, требовавшие критической переоценки, казалось бы, прочно сложившейся шкалы литературных ценностей. Полемика, захватившая московские (а затем и петербургские) журналы: «Вестник Европы», «Друг просвещения», «Московский зритель», «Северный вестник», была преддверием вскоре широко развернувшихся битв.

Репутации на русском Парнасе утверждались и колебались. Недруги Дмитриева, пытавшиеся сбросить его с пьедестала, оказались сброшенными сами. Возникла контрастная памфлетная тема «рифмача и поэта», а вместе с нею — грандиозная сатирическая маска великого графомана, создателя феерических нелепиц. Граф Дмитрий Иванович Хвостов, один из издателей «Друга просвещения», вступивший в состязание с Дмитриевым, давал своим творчеством реальные поводы для памфлета, но фигура его приобрела стилизованные, обобщенные и почти символические формы. Принадлежность Хвостова к «шишковской партии» открывала пути к памфлетной генерализации: Хвостов становился как бы ее эмблемой. Поляризация литературных сил приводит к своеобразному литературному противостоянию двух столиц. Москва была средоточием «карамзинизма»; оплотом «архаиков» был Петербург, официальная столица империи, где находилась и Российская Академия, созданная в 1783 году по образцу Французской Академии. Она состояла почти исключительно из сторонников Шишкова, которым давала видимость литературного авторитета, — говорим «видимость» потому, что состав ее никак не отражал подлинной иерархии литературных ценностей. Карамзин стал членом Академии только в 1820 году; даже Крылов, будущий член «Беседы», был забаллотирован на выборах в 1809 году тринадцатью голосами против двух. Молодой С. П. Жихарев, приехав в Петербург, с неподдельным удивлением смотрел на петербургских «бессмертных», литературные заслуги которых были совершенно ему неизвестны; несколько позже А. Ф. Воейков даст в «Доме сумасшедших» и весьма выразительный портрет «непременного секретаря» Академии П. И. Соколова: «Ничего не сочиняет, // Ничего не издает, // Три оклада получает // И столовые берет».

Российская Академия в начале века практически не участвовала в литературной жизни, которая все более приобретала кружковый характер. «Беседа любителей русского слова» также началась как кружок, собиравшийся на вечерах в доме Державина в 1807—1810 годах с участием Шишкова, Крылова, Голенищева-Кутузова, Д. И. и А. С. Хвостовых, Ширинского-Шихматова — всех тех, кто станет затем во главе официального общества.

В «Видении на берегах Леты» (1809) К. Н. Батюшкова — одним из первых значительных сатирических произведений, непосредственно подготовивших «Арзамас», — отразился этот этап литературных размежеваний.

Батюшков связан в эти годы с двумя петербургскими обществами: с неофициальным кружком А. Н. Оленина и с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, образовавшимся в 1801 году. Борьба — то скрытая, то выходящая на поверхность — захватывает оба общества, где под одной крышей собираются будущие «арзамасцы» и «беседчики». Из недр оленинского кружка выходят трагедии Озерова — классические трагедии, написанные рукой драматурга, прошедшего школу сентиментально-элегической чувствительности, трагедии, близкие молодым карамзинистам и неприемлемые, например, для Державина и Шишкова. Неслыханный успех «Димитрия Донского» (1807) погубил Озерова: он не выдержал провала своей новой трагедии «Поликсена» и сошел с ума. Вину за его безумие и раннюю смерть возлагали на Шаховского — будущего «беседчика», некогда приятеля Озерова по дому Олениных. Шаховской не чуждался театральные интриги и не слишком сочувствовал ни славе Озерова, ни его направлению, — но он не был прямой причиной трагедии, разыгравшейся уже в жизни, а не на театральных подмостках. «Поликсену» умертвила смута, возникающая при крушении кружка Оленина 1800-х годов» *.

Судьба Озерова дала, однако, дополнительный повод для рождения зловещей сатирической маски «завистника», устраняющего конкурентов с литературной авансцены.

«Видение на берегах Леты» пишется почти одновременно с этими событиями. Батюшков еще не знаком с Карамзиным и относится к нему настороженно, как, впрочем, и весь дом Оленина, — тем не менее он явно принимает его сторону. Противников Карамзина он топит в Лете; о нем самом не упоминает, а в ответ на вопрос Гнедича замечает: «Карамзина топить не смею, ибо его почитаю» **.

Сатирическая панорама современной литературы в «Видении» получила необыкновенную популярность. И сюжет, и символика памфлета, и пародийные фрагменты, имитирующие архаический стиль Мерзлякова или Боброва, и сатирические маски, данные иногда одним характерным штрихом, потом многократно варьировались в литературе. Едва ли не самым плодотворным открытием Батюшкова-сатирика была маска «славенофила», воспитанного на «Письмовнике» Курганова, на прологах и Четых-Минях, наследника школярского педантизма Тредиаковского. Ей противопоставлен

* Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. М., 1977, с. 34.

** Батюшков К. Н. Собр. соч., т. III. СПб., 1885, с. 61.

Крылов — истинный поэт, беззаботный гений, наделенный даром артистического, спонтанного творчества *.

Крылов был доволен, Державин взбешен.

Батюшков же все более сближается с молодыми последователями Карамзина. В Москве он входит в дружеский кружок Жуковского, Вяземского, В. Л. Пушкина, Воейкова, Д. Давыдова; в посланиях, которыми обменивались члены кружка, постоянны упоминания о дружеских пирушках, совершенно реальных, но обретших символические формы греческого симпозиа, «пира мудрецов», интеллектуальной беседы. Батюшкову было суждено положить начало целой серии подобных посланий; «Мои пенаты» (1811—1812), адресованные Жуковскому и Вяземскому, в истории будущего «Арзамаса» сыграли такую же роль, как и «Видение на берегах Леты»: они открыли целую жанровую традицию. Они стали и манифестом дружеской связи, скрепившей кружок литературных единомышленников.

Создавался «Арзамас» до «Арзамаса»; точнее — «Арзамас» накануне «Арзамаса».

В 1810—1811 годах уже почти сформировавшийся «Арзамас» выступил на авансцену в полемике с почти сформировавшейся «Беседой».

Застрельщиком в новой фазе литературной войны был Шишков, опубликовавший свой «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика» (1809) — своего рода дополнение к «Рассуждению о старом и новом слоге...».

Лагарп указывал на преимущество древних языков перед современным французским; переводчик воспользовался его анализом, чтобы подкрепить авторитетом Лагарпа свои суждения о превосходстве русского языка, показав его близость к языкам древним; в примечаниях же (ради которых, собственно, и делался перевод) Шишков еще раз подверг критике тех новых русских писателей, которые ориентировались на французскую языковую традицию, пренебрегая собственными национальными истоками (при этом он делал довольно прозрачный намек на В. Л. Пушкина). Шишков призывал обратиться к церковнославянским книгам и черпать из них лексический материал для создания новых слов и терминов. Вторая статья, переведенная им, — о тропах — была попыткой применить эти идеи на практике и найти русские эквиваленты для обозначения поэтических фигур.

Повторялась ситуация 1803 года, когда вышло в свет «Рассуждение о старом и новом слоге...».

Разница была в том, что шесть лет назад противоборствовали все

* Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975, с. 172 и след.

же индивидуальные критики. Сейчас две группы стояли друг против друга и война должна была, раз начавшись, разгораться все далее *.

С ответом Шишкову выступил двадцатидвухлетний Д. В. Дашков, некогда питомец Московского благородного пансиона, товарищ Жуковского и Блудова. На страницах «Цветника» — органа Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — он подверг лингвистические построения Шишкова корректной по форме, но совершенно уничтожающей критике. Он оспорил прежде всего основное концепции Шишкова — утверждение тождества русского и церковнославянского языков. Нормативизму Шишкова Дашков противопоставил понимание языка как исторически развивающегося явления, со своими внутренними законами, один из которых — непрерывное обновление и обогащение. При этом он ссылаясь на поэтическую практику Ломоносова и Державина, в которой церковнославянский лексический пласт присутствовал лишь как стилистическое средство. Не меньшее значение, однако, имел проделанный им стилистический разбор собственных переводов Шишкова: целью его было показать искусственность, расплывчатость и неточность, а стало быть, и непригодность созданных им терминов; Дашков не без яда отмечал и галлицизмы в шишковских переводах, и несовершенное знание им французского и — что еще важнее — русского языка, в котором Шишков не улавливал тонких семантических оттенков. Вся теория автора «Рассуждения...» предстала под пером Дашкова как чисто умозрительная, противоречащая практике лучших писателей, внутренне противоречивая и дилетантская в своих основаниях.

Одновременно с Дашковым в «Цветнике» выступил и В. Л. Пушкин. Его послание «К В. А. Жуковскому» (1810) носило также программный характер. Заключительные строки послания: «Слов много затвердить не есть еще уметь, // Нам нужны не слова, нам нужно просвещение» — стали крылатым речением. Просвещение для Пушкина — ориентированность писателя в европейской культуре, что ничуть не противоречит ни патриотизму, ни знанию своего языка. В небольшом послании Пушкин сумел сформулировать и основные положения литературной программы карамзинизма: писатель должен руководствоваться просвещенным вкусом, который ныне испытал «час великих перемен» — с появлением Карамзина и Дмитриева.

Шишков отвечал со страниц «Сочинений и переводов» — периодического издания Российской Академии. Сдержанность изменила ему: он оставил тон академически бесстрастного поиска истины и прямо раскрыл идеологическую подоплеку лингвистического спора. Речь шла о путях национального культурного развития, — и здесь программа Шишкова была ярко консервативной. Он боролся не против

* См. об этом: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 77—98.

Дашкова, самое имя которого было ему неизвестно, — и даже не столько против Карамзина, сколько против либеральной европеизации, которой были отмечены первые годы александровского царствования. Непризнание «духовных книг» как образца для современной словесности было для него частным случаем общего развращения нравов, посеянного французской философией, политикой и социологией, попыткой порвать с патриархальными, национальными основами нравственности и веры. Шишков повторял, таким образом, на расширенной основе те обвинения, которые когда-то адресовались Карамзину. В 1811 году они звучали не менее зловеще: отношения с наполеоновской Францией близились к военному конфликту, в обществе нарастали антифранцузские настроения, а вместе с ними — и подозрительность правительства. В это же время, в 1810—1811 годах, П. И. Голенищев-Кутузов, старинный неприятель Карамзина, направляет министру просвещения А. К. Разумовскому несколько доносов, рассчитанных на политическое уничтожение противника. Шишков не имел к ним никакого отношения, — но они были крайним выражением его же позиции. Впрочем, и сам он не удержался от политической дискредитации противников: так, В. Л. Пушкину он посвятил специальный пассаж, описав его как недоучку, заимствовавшего благонравие и знания из «Кандида» и парижских переулков.

Ответ на обвинения становился жизненно необходимым.

В 1811 году выходят брошюра Дашкова «О легчайшем способе отвечать на критики» и также отдельным изданием — «Два послания» В. Л. Пушкина, где к известному уже нам посланию к Жуковскому было присоединено послание «К Д. В. Дашкову». Книги были связаны между собой общностью цели и даже прямыми перекличками в тексте. И Дашков, и Пушкин отвечали прежде всего на памфлетные выпады, и оба перестали щадить литературный авторитет противника. Дашков прямо заявил, что источник «порчи языка», на которую сетовал Шишков, именно в нежелании его адептов изучать признанные литературные образцы, как свои, так и чужестранные; что благодаря этому они отстали от естественного движения культуры и развития языка. Он вновь вернулся к филологическим штудиям Шишкова, уже не просто оспаривая, но и осмеивая примитивность его этимологий и толкований, и возвращал ему его же собственное суждение о невеждах, мнящих себя квинтилианами. Он спрашивал, каковы права Шишкова на монополию по части патриотизма и чистоты религиозных правил. Эти риторические вопросы получили вновь афористическое выражение в послании Пушкина: «Невежда может ли отечество любить?» и «Безбожник и ханжа равно порочны оба».

К полемически направленному, гротескному портрету «славенофила» прибавились теперь новые черты: воинствующее невежество и религиозное ханжество. Понятие «раскола» (в словесности), употребленное Дашковым и Пушкиным, предстанет как материализованная

метафора: образ «раскольника», ревнителя старых обычаев, врага европейского просвещения, фанатического приверженца догматической «веры» займет важное место в памфлетном творчестве «арзамасцев».

Вся эта полемика разворачивается уже тогда, когда наполовину private чтения в доме Державина получили организационное оформление. 21 февраля 1811 года состоялось первое заседание вновь образованной «Беседы любителей русского слова» *.

«Беседа» сразу же приобрела ритуализованный и подчеркнuto официальный характер.

Она имела институт попечителей, почетных членов, куда входили церковные иерархи, министры, чиновные и титулованные особы и наиболее заметные литераторы (в частности, И. И. Дмитриев, Карамзин и Озеров). Действительные члены и члены-сотрудники распределялись по четырем «должностным разрядам», во главе с председателями: Державиным, А. С. Хвостовым, Шишковым и И. С. Захаровым, который позднее был заменен И. М. Муравьевым-Апостолом. Заседания происходили публично, в торжественной обстановке; велся протокол — «денник», «дневник», скрепляемый подписями членов и секретаря разряда. Порядок чтений был строго регламентирован. То, что читалось на открытых заседаниях (иногда самим автором, иногда чтецом — Соколовым), печаталось в книжках «Чтений» «Беседы». Весь ритуал заседаний должен был подчеркивать литературную авторитетность общества, — которой оно не обладало.

Участниками «Беседы», помимо Шишкова, были Крылов и Державин, творческие силы которого явно ослабевали. Помимо них, старшее поколение было представлено А. С. Хвостовым и Д. П. Горчаковым, острыми сатириками, однако почти не печатавшимися в те годы, и Д. И. Хвостовым, с его установившейся репутацией графомана. Несколько писателей с несомненным дарованием принадлежали к младшим членам общества: драматург князь А. А. Шаховской, лирики и эпика С. А. Ширинский-Шихматов и А. П. Бунина. Этим списком почти исчерпывались сколько-нибудь значительные литературные силы.

Противники называли своими учителями Карамзина и Дмитриева. И тот и другой стояли вне литературных групп и, как сказано, даже были (формально) почетными членами «Беседы». На них не нападали прямо, что было бы и затруднительно: Державин ценил их

* См. Д е с н и ц к и й В. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958, с. 104.

и в 1804—1806 годах недвусмысленно принял сторону Дмитриева против Хвостова и Голенищева-Кутузова.

Борьба шла между «Беседой» и группой молодых приверженцев Карамзина: Дашковым, Батюшковым, Жуковским, Вяземским, Воейковым, Блудовым, — между литературой отживающей и нарождающейся, которой принадлежало будущее.

Когда-то сущность этого противостояния определялась как конфликт между «классиками» и «романтиками». Неточность такого разделения почувствовал Ю. Н. Тынянов, предложивший иную классификацию: «архаисты» и «новаторы». Но и эта формула требует уточнений и пояснений.

За языковым «архаизмом» «беседчиков», как мы видели, скрывался общественный консерватизм, отвергавший европейский путь социального развития. Новая генерация «карамзинистов», порождение либеральных веяний начала XIX века, утверждала именно этот путь. Она боролась не против национальных начал, но против национальной замкнутости, не против веры, но против клерикализма; она открывала дорогу либерально-просветительским европейским идеям, — в том числе и тем, которые несли на себе отблеск идеологии Французской революции. На заседаниях «Арзамаса» будет фигурировать в качестве символа красный якобинский колпак; он будет обозначать принципы «свободы, равенства, братства», — не столько политические, сколько духовные.

Но и поиски политической свободы, и решительное неприятие крепостнических отношений, и помощь жертвам социального насилия в сознании Вяземского и Жуковского станут ассоциироваться с «арзамасским духом». Не только М. Ф. Орлов, но и будущий реакционер С. С. Уваров в 1810-е годы будут принадлежать к партии «либералистов».

Что же касается литературной платформы «Арзамаса» и «Беседы», то здесь дело обстояло сложнее.

В эстетике «беседистов» были черты, свойственные общеевропейскому романтическому движению.

Философская насыщенность иррациональных космических образов, усложненная метафоричность языка, масонская символика, аллегории, эсхатологические идеи, питавшиеся «Ночами» Юнга, — все эти ярко преромантические черты были свойственны поэзии С. С. Боброва, высоко ценимого «Беседой», — и они же, эти черты, оказывались неприемлемыми для рационалистической «арзамасской» критики.

Национализм «беседчиков» был сродни романтическому национализму, сыгравшему столь важную роль в становлении романтической эстетики в целом. С ним был связан поворот к фольклору и национальному средневековью, в котором искали полноты выражения народного духа. И даже реакция на французский классицизм как на вненациональную, неорганическую эстетику, нивелирующую черты

индивидуальности народов, была свойственна английскому и французскому романтизму.

Всему этому молодые карамзинисты противопоставили «вкус», основной критерий просветительской эстетики, о котором говорили классики — Лагарп и Буало.

И самый антиклерикализм, отрицавший патриархальную «веру», основанную на традиции, не поверяемую логикой, был наследован ими от французских философов-вольнодумцев, действий, не в последнюю очередь от Вольтера.

Вольтер — любимый поэт Вяземского и молодого Пушкина.

Создается впечатление, что «классиками» были как раз члены «арзамасского братства», а «беседисты» — «романтиками». И это трудно было бы оспорить, если бы «романтизм» «Беседы» не был лишен одного из основных качеств романтического сознания — именно историзма.

Вся теория Шишкова и литературная практика его адептов была проникнута духом нормативности; она была порождением метафизического сознания. Рационалист же Дашков, предпочитавший Вольтера Шекспиру, положил в основу своей критики представление об исторической изменчивости языковых и литературных норм. Через несколько лет он будет переводить Гердера, поднявшего знамя преромантического историзма. Естественным венцом его станут переводы Дашкова из греческой антологии, которую Гердер впервые осмыслил как шедевр национального искусства.

Почти одновременно с Дашковым к греческой антологии обратятся С. С. Уваров и К. Н. Батюшков, — и книга их выйдет под знаком «Арзамаса».

Была некая закономерность в том, что все эти люди объединились вокруг Карамзина, уже писавшего свою «Историю государства Российского».

Романтическими тенденциями прорастает сентиментализм Жуковского, открывший пути развития преромантической и позднее романтической поэзии. Что же касается «Беседы», то уже при самом возникновении она несла в себе начала распада, лишь внешне завуалированные торжественностью заседаний.

Самое общество было внутренне неустойчивым: в нем не было единства. И Державин, и Крылов, — более того, даже Хвостов относились к теории Шишкова скептически. Крылов говорил, что к критике его стоит прислушаться, но следовать советам Шишкова не должно, и уподоблял его человеку, который, предупреждая против нелуженой посуды, советует лудить ее суриком*. Хвостов указывал

* И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 180.

на «истинные достоинства» Карамзина-писателя и требовал приема его в Российскую Академию*.

Самое же молодое поколение членов и сотрудников включало только что не явных противников «Беседы» — как М. В. Милонов — и будущих «рenegатов» типа Жихарева.

В Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств консолидировались оппозиционные силы, в 1810 году получившие пополнение в лице Греча, Милонова, Дашкова. К началу деятельности «Беседы» противоборствующая группа была уже весьма многочисленна; помимо названных, в ней были В. Л. Пушкин, Блудов, Северин, Батюшков,— наконец, сам Измайлов, соиздатель «Цветника», где печатались критики Дашкова. В 1809 году в «Цветнике» помещает свою статью молодой П. А. Вяземский. Когда стала разрастаться полемика вокруг «Перевода двух статей...», из среды «Вольного общества» выходит жесточайший памфлет на Шишкова — басня Измайлова «Шут в парике» (1811), где критические нападки Дашкова переведены на язык карикатуры и гротеска. В конце 1811 года В. Л. Пушкин сообщает Вяземскому, что «Беседа» числит Общество среди своих противников**, — и с этим свидетельством вполне согласуются воспоминания Греча о начавшихся раздорах, поведших к прекращению нового издания Общества — журнала «Санкт-Петербургский вестник», где Д. В. Дашков успел, впрочем, напечатать важную статью о значении журнальной критики («Нечто о журналах», 1812). И тот же Дашков оказывается виновником скандала, едва не приведшего к кризису общества и имевшего серьезное значение в предыстории «Араамаса». В 1812 году, по случаю избрания Д. И. Хвостова, он произносит приветственную речь, где каждое слово было саркастической двусмысленностью. Речь была сочтена оскорбительной; Дашков вынужден был покинуть Общество. Однако полемический прием был найден, — и он органически вошел затем в критический арсенал «Араамаса». По типу иронической похвалы будут затем строиться араамасские речи «халдеям Беседы». Эта речь впитала в себя вместе с тем и опыт полемик недавнего прошлого, — и И. И. Дмитриев, журивший Дашкова за бестактность, едва ли не был его косвенным учителем: подобная же похвала-сатира Хвостову (а еще ранее — Голенищеву-Кутузову) была напечатана в 1806 году Шаликовым в «Московском зрителе», несомненно под влиянием Дмитриева***.

Полемику прерывает вторжение в Россию армий Наполеона.

В 1812 году, казалось, наступил звездный час «Беседы»; сама

* Литературный архив, I. М.—Л., 1938, с. 381.

** Гиллельсон М. И. Н. А. Вяземский, с. 20.

*** Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский зритель»). Русская литература XVIII века и ее международные связи (XVIII век. Сборник 10). Л., 1975, с. 105.

история словно подтверждала и справедливость ее антифранцузских инвектив, и соответствие ее программ патриотическому одушевлению, охватившему все общество. Шишков, накануне выступивший с программным «Рассуждением о любви к отечеству» (1811), получает пост государственного секретаря; из-под пера его выходят официальные манифесты. Но культура делала свой выбор, определяя магистральные пути движения литературы. Самое значительное патриотическое произведение 1812 года было создано не «беседчиками», а их противниками. Это был «Певец во стане русских воинов» Жуковского — торжественный гимн, проникнутый интимно-личностным началом, совершенно противопоказанным традиции жанра. Он получил всеобщее признание; на его фоне громоздкий аллегорический «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (1812) стареющего Державина выглядел прямым провалом.

«Беседа» проигрывала бой на своей земле.

Тем не менее она продолжала существовать и возобновила заседания еще до окончания войны, в 1813 году, и тогда же вновь стали выходить ее прервавшиеся было «Чтения».

Необходимость объединить силы ощущалась всеми противниками «Беседы». В октябре 1813 года Вяземский пишет А. Тургеневу: «Посмотри на членов Беседы: как лошади, все в одной конюшне <...>. По чести, мне завидно, на них глядя <...>. Когда заживем и мы побратски: «и душа в душу, и рука в руку?»*.

Достаточно было незначительного повода, чтобы произошло формальное соединение «арзамасских братьев». Таким поводом стала постановка комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815).

А. А. Шаховской был единственным значительным сатириком-полемистом «Беседы», который систематически вел борьбу с карамзинистами, начиная еще с «Нового Стерна». Едва ли не основным его противником был В. Л. Пушкин; литературная тяжба шла годами. В «Опасном соседе» (1811), своей знаменитой бесцензурной поэме, Пушкин сумел весьма чувствительно уязвить Шаховского, представив его «Нового Стерна» любимым чтением обитательниц публичного дома; саркастический комментарий «Прямой талант везде защитников найдет» стал широко известной эпиграмматической характеристикой Шаховского. Со своей стороны Шаховской пародировал пушкинское послание к Дашкову во второй песни ирои-комической поэмы «Расхищенные шубы», которая печаталась в «Чтениях» «Беседы» в 1811—1812 и 1815 годах; в первой редакции этой песни (до нас не дошедшей) были выпады также против Карамзина и Блудова, о чем

* Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 62.

Батюшков с возмущением писал Вяземскому в феврале 1813 года *. К осени 1814 года литературная напряженность достигает некоей критической точки. Объяснить ее мы до конца не можем. Не исключено, что какие-то полемические резкости содержались в допечатных редакциях песен «Расхищенных шуб» или в утраченной ее последней песни, вовсе не попавшей в печать. Как бы то ни было, именно в это время к имени Шаховского и Шишкова в карамзинских кругах прочно прикрепляются эпитеты «зоилов» и «завистников».

Тема «зависти», губящей дарования, возникает в послании В. Л. Пушкина «К князю П. А. Вяземскому» (1814, опубл. в 1815), где упомянуто о судьбе Озерова, в это время уже безумного: «Завистников, невежд он учинился жертвой». Традиционная тема попадает в фокус внимания. Она прикрепляется к имени Шаховского. Пушкин не указывал на него прямо, но за пределами стихотворения уже создавалась «арзамасская легенда» обобщающего смысла, но с конкретным памфлетным адресом.

Вяземский подхватывает тему борьбы невежд и «зоилов» с истинными талантами. «Демон зависти — их мрачный Аполлон» («Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину», 1814, опубл. в 1815). Цикл этой поэтической переписки завершается тремя посланиями Жуковского. В первом из них адресат памфлета почти прояснен: погубитель Озерова — завистник в личине друга. Шаховской становился узнаваемым.

Он нанес ответный удар, прочитав всю эту переписку в журнале «Российский музей» (1815). 23 сентября 1815 года в Петербурге состоялась премьера его «Липецких вод», где был выведен «баллажник Фиалкин», читающий слезливо-сентиментальные стихи, пародирующие «Ахилла» Жуковского и задевающие Уварова.

Полемическая буря, поднявшаяся после этого выпада, оставила далеко позади предшествующие столкновения. Поклонники Шаховского венчали его лавровым венком (разумеется, неофициально). Противники обрушили на него десятки эпиграмм; по рукам ходили сочиненная Дашковым кантата на чествование (переписанная Александром Пушкиным в свой лицейский дневник) и «Поэтический венок Шутовского» П. А. Вяземского.

Дашков и Вяземский выступили и в печати. Статья Дашкова называлась «Письмо к новейшему Аристофану». В ней получила закрепление памфлетная легенда о завистнике — губителе дарований.

Она же легла в основу и третьей прозаической сатиры, не появившейся в печати, — «Видения в какой-то огаде» Д. Н. Блудова, написанной по образцу сатиры Морелле «Предисловие к комедии о философах, или Видение Шарля Палиссо» (1760).

* О полемической позиции Шаховского см. во вступительной статье и примеч. А. А. Гозенцуда в кн.: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961, с. 33—41, 767, 773—776.

«Общество друзей литературы, забытых Фортуною» и живущих в Арзамасе, вдали от столиц, случайно становится свидетелем сомнамбулических откровений незнакомца, наделенного шаржированными внешними чертами Шаховского. В форме библейского иносказания незнакомец повествует о пророческом видении; старец (в котором легко угадывается Шишков) повелевает ему поднять свою упавшую репутацию при помощи пасквиля на превосходящих его соперников, утолив таким образом грызущую его зависть и сознание собственной неполноценности.

Сатира Блудова и критика Дашкова во многом предопределили форму «арзамасской речи», их поэтику и лексику, вплоть до самого названия «Арзамасское общество безвестных людей».

Такое название принял уже известный нам дружеский кружок, собравшийся 14 октября 1815 года в кабинете Уварова. Присутствовали Жуковский, Блудов, Дашков, Александр Тургенев, Жихарев и Уваров. Начинался новый — организационно-полюемический — период в истории «арзамасского братства».

«Арзамас» возник в обстановке полемики и был ориентирован на полемику, причем на полемику именно с «Беседой» (и во вторую очередь — с Академией Российской). Он был организован — вплоть до мелочей — как травестированная «Беседа» (и отчасти — Академия). Официальное столичное общество избранных особ пародийно преобразилось в провинциальное (хотя бы по названию) общество «безвестных людей»; публичный характер и строго определенное место заседаний — в сугубо приватную встречу, причем специальным постановлением разрешено было «признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо» — «чертог, хижина, колесница, салазки». Все эти простейшие случаи травестирования складывались в сложную систему в «арзамасских речах».

Самый порядок произнесения речи и предписанные ей формы принадлежали к числу лучших изобретений арзамасских пародистов. Французская Академия (члены которой именовались «бессмертными») установила ритуал похвальной речи умершему предшественнику, которую произносил вновь избранный член. В «Арзамасе» пародийно воспроизводится эта традиция, — но она травестируется при помощи целой цепи словесно-семантических каламбуров: так как члены «Арзамаса» бессмертны, они не могут умереть и освободить место; поэтому вновь вступающему предлагается брать «напрокат» из «Беседы» «живого покойника». Так обосновывается принцип иронической похвалы, уже знакомый нам по речи Дашкова.

Каламбуру вообще принадлежит важное место в «арзамасском языке». Некоторые каламбурные оксюморонные сочетания преврати-

лись в стереотипы. «Ты в «Шубах» Шутовской холодный, // В «Водах» ты Шутовской сухой». «Водяным слогом он творит сухие воды» (Вяземский). Вариации этих и подобных формул мы постоянно встречаем и в речах, и в эпиграммах, — в особенности Вяземского. «Арзамасские» письма Вяземского очень часто строятся как цепочка каламбурных обыгрываний слова; нечто подобное есть и в письмах А. С. Пушкина, обращенных к Вяземскому. За всем этим стоит традиция французского острословия, литературы подчеркнута «общественной», «светской», вольнодумной и свободоязычной. Она ведет нас к культуре салона или тесного кружка единомышленников, обладавших искусством остроумной и интеллектуальной беседы. Таким искусством славился, в частности, Блудов, — оставивший после себя целый сборник тонких и изящных рассуждений и афоризмов, — и вовсе не случайно его сатира, восходящая к сатирам энциклопедистов, оказалась первым непосредственно «арзамасским» произведением.

С этой особенностью языка арзамасских речей тесно связана и другая — их подчеркнутая литературность, цитатность в широком смысле слова. Они рассчитаны на искушенных слушателей, улавливающих и непосредственные цитатные вкрапления из самых разнообразных авторов, русских и французских, и ориентированность всей речи на какой-то текст, который она варьирует или пародирует. Это речи просвещенных людей, противостоящие «безграмотности» членов «Беседы» и Академии.

Окрашенные игровым и пародийным началом, эти особенности определяют собой особый «арзамасский язык», — язык кружка с ограниченным, а потому понятным для посвященных, набором тем, сюжетов и объектов речи; язык иронических перифрастических иносказаний и аллегорий, в комически-сниженном виде воспроизводящих «темноту» и торжественную важность «высокого стиля». Он сродни «ирои-комическим» принципам рассказа. Он широко пользуется аллегорическими атрибутами «славенщизны», заимствуя их из культовых текстов, стилизованного древнерусского быта и масонского ритуала. Прямой пародией масонской обрядности был знаменитый прием в общество Василия Львовича Пушкина. Во всем этом, как и в «якобинской» красной шапке председателя, был несомненный элемент либертинажа, просветительского вольнодумства, — важно, однако, заметить, что предметом осмеяния является не Библия и не древнерусский быт сами по себе, а неуместность и бессмысленность сочетания их с общественным бытом современности.

Несочетаемость, неуместность — понятия, диаметрально противоположные «вкусу» — центральной и всеобъемлющей эстетической категории для «арзамасцев». Вкус А. С. Пушкин очень точно определял как чувство «соразмерности и сообразности» *. Несоразмерность,

* П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, с. 52.

несообразность, дисгармония — это «анти-вкус», обозначаемый в арзамасском обиходе словом «галиматья» *.

Вовсе не случайно, что своего рода классиком пародийной арзамасской «галиматии» был Жуковский, всю жизнь последовательно проводивший принцип точности слова. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на его стихотворные послания-разборы, обращенные к Вяземскому и В. Л. Пушкину, где грамматическая критика доходит иногда до педантизма. И Жуковский же произносит речь в похвалу Хвостову, притчи которого (в особенности в редакции 1802 г.) давали непревзойденные примеры произвольной «галиматии». Блестящие пародии Вяземского на эти притчи были «настойной книгой» «Арзамаса». Хвостова читали единственно для отыскания «галиматии»; стихи типа «в болоте родился великий Ломоносов» вызывали восторг «арзамасцев». По этому типу алогизма, создаваемого непредусмотренным, побочным смыслом метафоры или метонимии, Жуковский писал свои пародии:

Зубы грешнику порвем,
Осраим хребет строптивый,
Зад во утро избием,
Нам обиды сотворивый...

(«К Воейкову», 1815).

Подобно тому как «вкус», гармония были организующим началом не только в смысловых, но и в чисто формальных (например, в эвфонических) структурах, «анти-вкус», какофонию можно было преследовать на всех уровнях строения текста. Своеобразным шедевром какофонической его организации была сочиненная четырьмя арзамасцами надпись к портрету Хвостова:

Се — росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он...

Чудовищная инструментовка на «к» дополняется скоплением односложных слов, создающим впечатление мелких прыжков.

Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук
на Геликон...

Сочетание взрывных и свистящих, венчаемое произносимыми двумя «ц» подряд: «птиц царь».

Се — лик од, притч творца, муз чтителя Хвостова...

* См. новейшую работу на эту тему: Ронинсон О. А. О «грамматике» арзамасской «галиматии». Функционирование русской литературы в разные исторические периоды (Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 822. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведческие). Тарту, 1988, с. 4—17 (с указаниями на предшествующую литературу).

Все звуковое безобразие двух предшествующих строк предстает в каком-то адском синтезе, где уже слышен только свист, скакание и шипение, а «муз читателя» читается как «мучителя».

Предполагается, что Жуковский и Батюшков могли быть в числе сочинителей эпиграммы. Во всяком случае, она — плод очень высокой и типично арзамасской литературной изощренности; для нее нужно было искусство того же качества, которое породило знаменитые своей эвфонией стихи Батюшкова: «На зеркальных водах пустынной Троллетаны...»

В арзамасских протоколах, писанных Жуковским, как и в его «арзамасских» письмах, «галиматийный язык» несколько меняет свою функцию: в нем выходит на первый план собственно игровое, а не сатирическое начало. Из всех членов «Арзамаса» Жуковский в наименьшей мере был связан с традицией французского просветительства, и по складу своего дарования, и по своим эстетическим тяготениям предпочитал юмор сатире; «вольтерьянство» еще с юности было ему чуждо. Юмор его протоколов близок к юмору его шуточных долбинских стихов; он извлекается из неожиданных контрастов между сферой изображения и выражения, широкие возможности для которых открывал перифрастический стиль, позволявший описывать пустяки «с важностью забавной» («На хребте его творится беззаконие», «едва вступив в Арзамас, уже корячится назад»).

Жуковский охотно обыгрывает шутивно-нелепые «арзамасские» прозвища и символику «гуся»; он создает комические положения, нередко обращаясь к тем формам традиционной (описанной М. М. Бахтиным) смеховой культуры, которая широко пользовалась символикой физиологизма и материально-телесного низа; он подробно описывает, например, «некое непристойное бурчание» в брюхе «Золовой Арфы» и вдвигание в кресла той части тела, «которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных» (протокол 11 ноября 1815 г.). Вяземского удивляла неистощимость Жуковского в изобретении разных форм «галиматъи».

«Галиматъя», буффонада Жуковского в конечном счете строилась по законам «вкуса» — на стилистических и семантических сдвигах. Единый эстетический принцип объединяет ее с дружеским посланием и дружеской перепиской арзамасцев. Вместе с шуточными речами и протоколами, с эпиграммами и пародиями, не рассчитанными на печать, они образуют своеобразную стилевую систему, порожденную дружеским кружком и несущую на себе печать кружковой психологии и кружкового языка. Послания для арзамасцев — это и литературная декларация, и критическая статья, открывающая нам тип и характер арзамасской «стилистической критики» (таковы упомянутые выше послания-разборы Жуковского) и овеществленный знак коммуникативной связи. В них эмпирический быт поднимается на высоты эстетически организованного, — и с другой стороны, за

художественным миром послания, организованным по собственным эстетическим законам, всегда ощущается мир бытовых реальностей и подлинных человеческих отношений. Поэтому послания и могут составить «поэтическую летопись» «Арзамаса»*, — не столько его внешних событий, сколько духовной жизни.

Что же касается письма, то под пером арзамасцев оно обретает черты особого литературного жанра. Арзамасское письмо почти всегда — реально или потенциально — предполагает нескольких адресатов — членов кружка и строится как заведомо литературное произведение. В перспективе оно рассчитано на публикацию, — и уже в 1819 году А. Тургенев и Вяземский обсуждают такие возможности**.

Вяземский и А. С. Пушкин печатают в 1820—1830-е годы заграничные письма А. И. Тургенева, который остался в русской литературе как один из немногих писателей-эпистографов. Письма Тургенева — блестящий образец русской прозы — были подписаны арзамасским прозвищем «Эолова Арфа» или аббревиатурой «Э. А.». Итак, спустя почти двадцать лет после «Арзамаса» он ощущал «арзамасский» генезис своего эпистолярного творчества***.

В переписке Жуковского, Батюшкова, Вяземского, А. Пушкина мы без труда обнаружим те стилистические черты, которые отмечали уже в арзамасских протоколах, — разумеется, в индивидуальной интерпретации. Письма Жуковского, даже поздние, иногда полностью выдержаны в ключе «галиматъи». В 1852 году Вяземский с энтузиазмом поддерживал идею их издания; он писал Плетневу, что в этих «буффонских», «чисто арзамасских» письмах «вздорноречие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности»****. Но, при всей автономности стилистических задач, письма арзамасцев продолжали оставаться документом высокой литературно-эстетической информативности, — быть может, еще в большей мере, чем послания и протоколы.

Уже с третьего заседания (11 ноября 1815 г.) арзамасцы начали ощущать, что им вскоре будет тесно в рамках полемических задач,

* Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство, с. 72.

** См. об этом в специальном монографическом исследовании В. М. Тодда, в значительной части посвященном арзамасскому письму (Todd W. M. The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin. Princeton University Press. 1976, p. 71).

*** Об А. И. Тургеневе-литераторе см.: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. (1825—1826 гг.) Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., 1964, с. 441—504.

**** Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 407.

которые они себе поставили. Было определено «заниматься различными приятностями, читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее» (Протокол от 11 ноября). На следующем заседании (18 ноября), как первое «литературное прозябение своей пошвы», Д. В. Дашков читает не дошедшие до нас произведения «серьезного» характера — повесть о собаке Баркуф и переводы «Парамифий» Гердера. За время деятельности «Арзамаса» были прочитаны «Певец в Кремле», «Овсяный кисель», «Вадим» и «Красный карбункул» Жуковского, «Вечер у Кантемира» Батюшкова, «Прощание с халатом» Вяземского. Известно, что в кругу арзамасцев Карамзин читал главы из «Истории» и проект своей речи в Российской Академии.

Все это далеко выходило за пределы литературы кружка.

Менялись и внешние обстоятельства. Со смертью Державина в июле 1816 года распадается «Беседа»; 11 ноября на 15-м заседании «Арзамаса» С. С. Уваров заявляет, что она прекратила свое существование. Полемика теряла актуальность.

«Арзамасу» нужно было искать новые формы деятельности.

Это было не только важно, но и неизбежно, ибо центр интересов русского общества все более перемещался от литературы в область социологии, политики и экономики. Это ощущает не только, например, Вяземский, «раскаляющийся» в социальной атмосфере преддекабристских обществ, но и гораздо менее активный политик Жуковский. В октябре 1816 года он пишет А. И. Тургеневу, что поэт должен вторгаться в общественную жизнь, а в следующем письме просит обнять брата Николая. «Враг хамов должен быть Арзамасцем. Тащи его в Арзамас» *.

«Хамы» — излюбленное иносказательное выражение Тургеневых, обозначающее крепостников и политических ретроградов.

«Враг хамов» вошел в общество 24 февраля 1817 года, — а 22 апреля был принят и второй будущий активный участник декабристского движения — М. Ф. Орлов.

Вступительные речи того и другого призывали «Арзамас» к расширению своей деятельности и выходу на арену политики и публицистики. Николай Тургенев возражал против исключительно литературных программ. Он взялся разработать тему «Сопоставление Англии и Франции». Сохранилась рукопись этого сочинения с историческими доказательствами преимуществ английского конституционализма. «...Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть» **.

* Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 166.

** Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции». — Освободительное движение в России, 1971. Вып. 2, с. 109.

Арзамасские документы этих месяцев показывают, с каким энтузиазмом были приняты идеи реформирования общества. Просвещение, свобода, единение, уничтожение рабства становятся теперь центральной темой разговоров и споров в «Арзамасе».

Именно теперь, в середине 1817 года, возрождается мысль об издании журнала, — излюбленная мысль Вяземского, которую он высказывал Дашкову еще в 1814 году, о чем писал в специальной статье, не увидевшей света — «Мой сон о русском журнале».

Он принял ближайшее участие в составлении проекта вместе с Жуковским, Орловым и Н. Тургеневым. В «законах» «Арзамаса», написанных только теперь, издание журнала выдвигалось как одна из важнейших задач общества.

Современная политика должна была занять в новом издании едва ли не определяющее место. С нее начиналось обозрение разделов журнала в шуточном июньском протоколе 1817 года. При распределении обязанностей этот раздел был отдан Орлову. Предполагалось начать журнал с 1 января 1818 года.

Этим надеждам не суждено было осуществиться. «Арзамас» доживал свои последние месяцы. 27 августа 1817 года А. Тургенев огласил указ о назначении Вяземского на службу в Варшаву. Блудов — один из предполагаемых издателей — уезжал в Лондон; Орлов получил назначение в Киев, Дашков — в Константинополь.

По пути за границу «арзамасцы» остановились в Москве и здесь в декабре 1817 — январе 1818 года снова составили план журнала, с участием В. Л. Пушкина, Д. Давыдова и других, — но уже было неясно, кто, как и где его будет издавать.

Отъезд арзамасцев из столицы был внешней и случайной, хотя, без сомнения, достаточной причиной распада общества. Но Жуковский, чуткий свидетель и наблюдатель, мельком указал на внутреннюю причину: в последнем гекзаметрическом протоколе «Арзамаса» он обронил замечание: с тех пор, как общество взялось за ум, ум от него отступился. «Мы разучились смеяться». И буквально то же он повторил через много лет в письме к фон-Мюллеру (1846): «Арзамас» строился на буффонаде и умер сам собой, когда захотел быть серьезным.

Жуковский понял то, что не ощущалось сразу. Сложившиеся структурные формы пародийного полемического общества пришли в противоречие с новыми задачами. Политический журнал исключал литературные игры, протоколы в гекзаметрах, галиматью. Все это должно было умереть вместе с объектом пародии — «Беседой». «Арзамас» выполнил свою историческую роль.

История «Арзамаса» окончилась; арзамасское братство продол-

жало жить. Оно определило свою область «эффективных коммуникаций» и вырастило нового юного члена литературного содружества, имя которого впервые было упомянуто в цитированном протоколе и которому суждено было стать центром соединения прежних арзамасских сил. Этим новым членом был «Сверчок» — Александр Пушкин, лицейский поэт, в котором Жуковский и Вяземский уже в 1815 году угадали проблеск невиданного еще до сих пор литературного дара. «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет» (письмо Жуковского Вяземскому от 19 сентября 1815 г.). Отныне «братья» будут ревниво и заботливо помогать расти своему питомцу — а он вступит в литературу под знаменами «Арзамаса» и унаследует от него многое: и культ точного поэтического слова, и дух литературного озорства и литературной игры, и стихию «легкого и веселого», и даже самых противников. Он напишет послания к Батюшкову и к Жуковскому и эпиграммы на «беседчиков» и доведет до высот совершенства арзамасское оружие полемики — эпиграмму и прозаический памфлет.

Но все это еще в будущем — и литературная судьба зрелого Пушкина, и ощущение непрерывающейся связи между членами братства — Жуковским, Вяземским, Александром Тургеневым, и тоска по объединению под эгидой своего литературного журнала. 14 декабря раскроет пропасть между прежними арзамасцами: «Варвик» — Н. Тургенев будет приговорен к смертной казни и окончит свои дни политическим изгнанником, Блудов будет готовить материалы к осуждению. Александр Тургенев, единственный оставшийся из рассеянной — вымершей, изгнанной — семьи, неприкаянный странник, порвет связи с тем, кого он будет считать косвенным виновником трагедии, — но близость с Вяземским, Жуковским, Пушкиным он сохранит.

Остатки прежнего «Арзамаса» станут собираться в пушкинской «Литературной газете» и пушкинском же «Современнике».

Такова перспектива, в которой буффонское литературное общество раскрывает свой подлинный исторический смысл.

Книга, лежащая перед читателем и содержащая документальную историю «Арзамаса», была задумана и начата выдающимся знатоком и исследователем пушкинского литературного окружения, доктором филологических наук Максимом Исааковичем Гиллельсоном (1915—1987).

М. И. Гиллельсону принадлежат широко известные работы о Лермонтове, Герцене, Пушкине, истории русской печати и цензуры, — но едва ли не основной областью его интересов был «Арзамас» и «арзамасское братство». Именно он ввел это понятие в историко-литературный обиход еще в конце 1950-х годов, когда исследовательская

традиция рассматривала «Арзамас» как более или менее локальный и ограниченный по своим задачам литературный кружок. В статье «Новые материалы по истории арзамасского братства» (1962), в дилогии «Молодой Пушкин и арзамасское братство» (1974) и «От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей» (1977) он осмыслил «Арзамас» как естественное звено в эволюции целой литературной среды, определяемой нами теперь как «пушкинский круг». В течение тридцати с лишним лет он систематически собирал и анализировал материалы по его истории; он открыл и опубликовал целые массивы ценнейших документов. С его именем связано начало нового этапа в изучении Вяземского; фундаментальная монография «П. А. Вяземский. Жизнь и творчество» (1969) поставила его в число авторитетов мирового класса. Все современные исследования о Вяземском — критике и публицисте, так или иначе отправляются от этой работы. Он осуществил издание «Хроники русского» А. И. Тургенева и его дневников за 1825—1826 годы; полная публикация обширного дневника по сие время остается недостижимой целью, — но М. И. Гиллельсон, превосходно знавший этот материал, обнаружил записи, касавшиеся Пушкина, Гоголя, эпизодов заграничного путешествия Тургенева, и раскрыл значение его литературного наследия. Он издал свод русской эпиграммы первой половины XIX века; при его ближайшем участии был собран и прокомментирован корпус сочинений М. Ф. Орлова. В последние годы он увлеченно занимался Жуковским и опубликовал первоклассную по своим историческим, психологическим и литературным достоинствам переписку Жуковского с Вяземским за 1842—1852 гг. («Памятники культуры. Новые открытия. 1979». М., 1980); обнаруженная им неизданная часть дневников Жуковского послужила основой нескольких его статей и большого биографического исследования, остающегося в рукописи.

Многие годы М. И. Гиллельсон лелеял мысль об издании свода материалов, относящихся к истории «Арзамаса»; он разработал план и концепцию книги. Издательство «Художественная литература» с сочувствием отнеслось к его предложению, — но осуществить этот замысел, приобретший, наконец, реальные очертания, он уже не успел. Коллектив друзей и сотрудников М. И. Гиллельсона по просьбе издательства взял на себя реализацию его плана, который из-за чрезвычайно сжатых сроков работы уже не мог осуществиться в первоначальном своем виде; тем не менее составители стремились организовать издание в соответствии с концепцией М. И. Гиллельсона, давно получившей научное признание. Эту книгу они посвящают его памяти.

В. Вацуро.

„АРЗАМАС“

—
СБОРНИК
В ДВУХ КНИГАХ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

„АРЗАМАС“

—
КНИГА
ПЕРВАЯ

МЕМОУАРНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
НАКАНУНЕ
„АРЗАМАСА“
АРЗАМАССКИЕ
ДОКУМЕНТЫ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1994

ББК 84 (2Рос=Рус)1
А 80

Книга издана при финансовой поддержке
Международного Фонда «Культурная инициатива»

Под общей редакцией
В. Э. Вацуро и А. Л. Осовата

Вступительная статья
В. Э. Вацуро

Составление, подготовка текста и комментарии
*В. Э. Вацуро, А. А. Ильина-Томича, Л. Н. Киселевой,
К. А. Кумпан, В. А. Мильчиной, А. Л. Осовата, О. А. Проскурина*

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

А $\frac{4702010106-061}{028(01)-94}$ 1-1993

ISBN 5-280-00487-1 (Кн. 1)

ISBN 5-280-00488-X

© Издательство «Художественная литература», 1994 г.